

ЦЕЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И ИНСТИНКТУАЛЬНАЯ СИЛА В МИРОВОЗЗРЕНИИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО

А. А. Иштугин

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Поступила в редакцию 11 августа 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются философские взгляды русского писателя и философа В. Ф. Одоевского. Раскрываются такие понятия, как «внутренний инстинкт», «инстинктуальная сила», «инстинктуальная способность», «предзнание» в контексте взглядов русского мыслителя. Делается акцент на то, что В. Ф. Одоевский соединил холизм в онтологии и иррациональные формы познания в гносеологии, а также обозначил острое ощущение целостности в качестве русской мировоззренческой парадигмы, что станет весьма актуально в дальнейшей истории отечественной философии.

Ключевые слова: целостность, единство, инстинкт, интуиция, холизм, солидарность.

Abstract: in the article philosophic views of the Russian writer and thinker V. F. Odoyevskiy are regarded. Such notions as «inner instinct», «instinctive strength», «instinctive capability», «preunderstanding» are discovered in the context of his views. The author of the article has come to the conclusion that V. F. Odoyevskiy not only specified the strong feeling of wholeness as the Russian worldview paradigm, but fixed an association between holism in ontology and irrational forms of cognition in gnosiology. That way the Russian thinker defined the further development of Russian philosophy just in this direction.

Key words: wholeness, oneness, instinct, intuition, holism, solidarity.

Замечательный русский писатель и философ Владимир Федорович Одоевский (1803–1869) оставил довольно обширное философское и литературное наследие. Основной стержень и исходный посыл его философских идей – это всеобщая взаимосвязь явлений и структур, целостность как главное свойство мироздания. Такое мировоззрение можно охарактеризовать как онтологический холизм [1, с. 391–393]. Согласно философу Б. В. Яковенко, идея целостности в русской философской мысли – это не просто одна из категорий, а «важный, бродильный и объединяющий компонент» [2, с. 467], который остается неизменным даже в контексте смены эпох.

Речь в нашей статье пойдет о том, как В. Ф. Одоевский довольно убедительно соединил холизм в онтологии и интуитивизм в гносеологии. Такой синтез станет весьма актуальным в контексте дальнейшей истории русской философии [3]. В рассказе «Орлахская крестьянка» писатель устами одного из своих героев утверждает, что в человеке живет далекое внутреннее чувство, которое не всегда понятно самим людям и которое иногда говорит за нас [4, с. 394, 405]. Это чувство В. Ф. Одоев-

ский называет *внутренним инстинктом*. «Великое дело понять свой инстинкт и чувствовать свой разум! В этом, может быть, вся задача человечества. Пока эта задача не для всех разрешена, пойдем отыскивать те указки, которые какая-то добрая нянюшка дала в руки нам, рассеянным, ветреным детям, чтобы мы реже принимали одно слово за другое» [там же, с. 295–296], – одна из ключевых цитат романа «Русские ночи». В. Ф. Одоевский даже предлагает термин *наука инстинкта*. Эту науку Г. В. Флоровский, автор книги «Пути русского богословия», охарактеризовал как «теософскую физику» [5, с. 120].

По В. Ф. Одоевскому, назначение разума – дать в материальной, например словесной, форме знания, полученные мимо чувств прозрением духа. Самому разуму иногда следует «отдыхать», чтобы в то самое время проявилось бессознательное чувство. Такое чувство невозможно просто продемонстрировать или дать пощупать (подобные требования мыслитель называет «ребяческими» [4, с. 327]). Только личный психологический опыт гораздо более высокого уровня, чем уровень эмпирический, может раскрыть в человеке магнетическую силу и познать вещи в их связи с *целым*. Эмпиризм же не способен охватить *целое* вообще.

Гносеология В. Ф. Одоевского исходит прежде всего из иррационального постижения мира, которое только и способно постичь *целое* [6, с. 23–24]. Первичным источником знания для философа является «невольное внутреннее чувство, мысль, врожденная душе» [7, с. 157], чувство, которое он и называет *инстинктуальной силой*, или *инстинктуальной способностью*. В одной из «Пестрых сказок» В. Ф. Одоевский постулирует: «В человеке живет и рациональное и инстинктуальное начало, будет ли то какая-нибудь страсть, увлечение, предчувствие, укоры совести, игра воображения и т. п., душа творит легенды жизни» [4, с. 615].

Человеческая жизнь, согласно В. Ф. Одоевскому, основывается на инстинкте и берет в нем свое начало. Более того, цель человеческого познания как раз и заключается в том, чтобы познать свой инстинкт. Именно благодаря ему человек приходит к различению добра и зла. Именно благодаря ему человек раскрывает в себе врожденные идеи, которые В. Ф. Одоевский называет термином *предзнание* [8, с. 573–574]. Именно благодаря ему можно прочесть две основные книги, одной из которых является Природа, а другой – Человек. «Эти книги в связи между собой и одна объясняет другую» [4, с. 297–298], – указывает мыслитель.

Наука инстинкта предполагает также и чувствование своего ума. В синтезе инстинкта и ума содержится своеобразный протест против засилья рассудка, и целостность человека достигается только через отказ от его, рассудка, одностороннего господства. Однако чистый иррациональный инстинкт без ума может привести человека к другой недопустимой крайности. Когда «каждый нерв тела получает способность зрения», а «магический взор обнимает в одно время и прошедшее, и настоящее, и то, что действительно было, и что могло случиться» [там же, с. 369], как это произошло с героем рассказа «Косморама», то можно, конечно, говорить о колоссальных иррациональных способностях человека, но от-

существование разумного осознания своих бессознательных импульсов может быть весьма опасно для человеческой психики. Мистическая сущность человека заключена именно в балансе разума и инстинкта, и эта сущность в свою очередь определяет духовную взаимосвязь между людьми.

Когда люди говорят от души друг с другом, они не ограничиваются пониманием значений слов и между ними возникает настоящая гармония. Слова – это всего лишь грани этой гармонии, внутренняя же нить для слов просто недоступна. Поэтому в откровенном разговоре может и не быть никакой логической связи, отсутствует жесткий систематизм как таковой, но при этом рождаются самые тонкие наблюдения и внутренние силы одного человека стимулируют внутренние силы другого. «Их [людей] соединение, как соединение организмов в магнетическом процессе, возвышает их силу; они оба дружно с быстротою неисчислимою переходят целые миры различных понятий и согласно достигают истинной мысли» [там же, с. 233–234], – пишет В. Ф. Одоевский. Русский мыслитель вводит понятие *солидарность* – это своего рода социальный холизм, символизирующий собою идею взаимосвязанности между всеми людьми, идею ответственности каждого перед всеми, идею того, что любой поступок и любая мысль прорастут добром или злом [9, с. 129].

Таким образом, инстинктуальное чувство – это инструмент создания единой духовной сущности, некоего мирового сознания, единого живого организма: «Человек и человеческое общество есть живой организм» [4, с. 296], – пишет В. Ф. Одоевский. Концепция всечеловеческой общности, мистического единства человечества, разработанная русским мыслителем, на многие годы станет одной из определяющих для последующей русской философии (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, В. С. Соловьёв, Л. М. Лопатин, П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк и т. д.).

Размышляя о внутреннем мире человека, В. Ф. Одоевский пришел к выводу, что инстинкт в значительной степени ослабляется в человеке культурой. Первобытный человек, по его мнению, был наделен могучей инстинктуальной силой, и поэтому древние знали больше, чем современные люди. С развитием рациональности *инстинктуальная зрелость* стала ослабевать. «Рассудок, предоставленный самому себе, мог произвести лишь синкретизм – дальше сего идти он не мог» [8, с. 72], – констатирует В. Ф. Одоевский.

Очевидно, что русский мыслитель включает в свои гносеологические рассуждения руссоистский дискурс: противопоставление естественных познавательных сил человека, которые оцениваются положительно, и того, что привнесла в человеческую жизнь цивилизация. Жан-Жак Руссо считал, что, предоставленная свободному развитию, природа ведет к полной победе чувств, а не рассудка, инстинкта, а не размышления, самосохранения, а не угнетения. Но если у французского философа инстинкты имели под собой сенсуалистическое и натуралистическое основание, то у В. Ф. Одоевского – мистическое. Само понятие *инстинкт* во многом, хотя и не во всём, смыкается у русского философа с понятием *интуиция*.

В своем учении об «инстинктуальных силах» В. Ф. Одоевский на полстолетия опережает будущие построения Анри Бергсона и психологическо-философские изыскания Карла Густава Юнга. Это отмечает В. В. Зеньковский [10, с. 153], и тот же посыл развивает И. И. Евлампиев в «Истории русской метафизики» [11, с. 70]. Следует отметить, что *инстинктуальная сила*, как ее понимает В. Ф. Одоевский, несколько выходит за рамки понятия *интуиция*, например, в понимании того же А. Бергсона. Русский философ, в отличие от французского, не противопоставлял инстинкт рассудку, он, скорее, стремился их синтезировать, «возвести ум до инстинкта». Причем важен и обратный процесс – понимание инстинкта в контексте разумности. Как считал мыслитель, настоящему поэту, например, иногда просто необходимы физические науки, так как «ему [поэту] полезно иногда нисходить до внешней природы, хоть для того, чтоб уверяться в превосходстве своей внутренней» [4, с. 162]. Смысл такого синтеза, по В. Ф. Одоевскому, и заключается в воссоздании цельного знания.

В. В. Зеньковский отмечает, что сама формула «возведения ума до инстинкта» близка церковному учению, которое ставит в качестве задачи для духовной жизни «возвести ум в сердце» [10, с. 154]. И здесь уместно констатировать, что мировоззрение В. Ф. Одоевского в гносеологическом аспекте наследует мистическому аскетизму Нила Сорского. Враг любой «внешности», русский святой утверждал сердце в качестве ориентира и почвы духовного подвига. Мысль, погруженная в сердце, согласно его утверждению, и ведет к развитию души, внутреннему самосовершенствованию человека.

В «Сказке о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» [4, с. 621–629] В. Ф. Одоевский демонстрирует в сказочной форме, насколько фатально для человека потерять свое сердце. Французская голова, немецкий нос и английский живот поймали русскую красавицу с целью сделать из нее заморскую куклу. Для этой цели они вынули из нее сердце и распарили его в бесовском растворе. После того как сердце было вклеено обратно, красавица уже не могла по-настоящему любить, понимать искусство и быть искренней, т. е. стала бессердечной светской куклой [там же, с. 624–625].

Но вернемся к мировоззренческим параллелям, актуальным в контексте нашей темы. Если говорить о русских светских мистиках, то наиболее гносеологически близким В. Ф. Одоевскому был государственный деятель М. М. Сперанский (1772–1839), яркий представитель мистицизма времен Александра I. М. М. Сперанский был воодушевлен идеей поиска «внутреннего», «чистого» христианства и проповедовал практику, которая должна была привести к Царству Божьему внутри человека [12, с. 38–39]. В области духовной жизни он отрицательно воспринимал замену внутреннего поста внешним и духовной молитвы – напрасным повторением слов. Такой эзотерический пафос, характерный для взглядов М. М. Сперанского, привел его к мысли, что поклонение букве Библии, а не живому слову Бога, есть лжехристианство. «Царство Божие – внутри

нас, – писал он, – но нас самих там нет, – итак, нам нужно туда вернуться» [13, с. 103].

И В. Ф. Одоевского, и М. М. Сперанского одинаково не привлекает так называемый *здравый смысл*, т. е. поверхностное восприятие жизни. Погружение исключительно в текущую жизнь без размышления о вечности гарантированно приводит человека в психологический тупик. М. М. Сперанский акцентировал внимание на том, что даже обыкновенная мечтательность в гораздо большей степени помогает раскрыть тайну жизни, нежели здравый смысл. Будучи близок в своих литературных трудах к романтизму, В. Ф. Одоевский абсолютно разделял эту идею и считал, что источник всех возможных преступлений следует искать не в глубине души, а в глубине логики [4, с. 125].

Основной пафос его романтических рассказов, повестей и романов как раз и заключается в том, что нельзя игнорировать то, что многие современные люди называют «бесполезными порывами души». Поэтому сон, мечты, внешняя реальность на равных правах переплетаются в произведениях В. Ф. Одоевского: всё это биение жизни. В романе «Русские ночи» русский мыслитель пишет: «Человек думал закопать их [свои порывы] в землю, законопатить хлопчатой бумагой, залить дегтем и салом, – а они являются к нему в виде привидения: тоски непонятной!» [там же, с. 92]. Общество редко понимает такие внутренние порывы. Так, например, главного героя рассказа «Сильфида» долго лечили от «сумасшествия», в результате чего убили в нем все тонкие внутренние чувства и, как бы желая ему добра, превратили в грубого обывателя. «Ты очень рад, жалуется главный герой своему другу, – что ты, как говоришь, меня вылечил, то есть загрубил мои чувства, покрыл их какою-то непроницаемою крышкой, сделал их неприступными для всякого другого мира, кроме твоего ящика... Прекрасно! инструмент улегся, но он испорчен; он был приготовлен для другого назначения...» [там же, с. 337]. Далеко не всё можно выразить цифрами, силлогизмами и уравнениями. Есть нечто, что понимается только посредством инстинкта сердца.

В контексте размышлений о гносеологической целостности В. Ф. Одоевский интересуется проблемой соотношения мысли и ее выражения. Принцип «что ясно понимается, то ясно выражается» он считает верным далеко не всегда. Мысль от выражения отделяет бездна, а некоторое соответствие между мыслью и словом нужно ощутить в себе, выразить же словами это просто невозможно. Более того, как писал Франсуа Ларошфуко, «язык дан человеку на то, чтобы скрывать его мысли» [там же, с. 259]. А сам В. Ф. Одоевский считал, что «мы говорим не словами, но чем-то, что находится вне слов и для чего слова служат только загадками» [там же, с. 233]. Чем больше мы употребляем слов, чем материальней мы хотим выразить нашу мысль, тем более она теряет определенность. Нет слова, произносимого человеком, которое бы не имело сотни различных смыслов и не создавало бы повода к спорам.

Получается, что в выражении своих мыслей человек значительно уступает природе. В. Ф. Одоевский замечает: «Буквы природы посто-

янное букв человеческих, и вот тому доказательство: в природе дерево всегда ясно и вполне выговаривает свое слово – дерево, под какими бы именами оно ни существовало в языке человеческом» [там же, с. 242]. В то же время самые жестокие терзания человека – те, которые он как раз не может выразить. Кто может рассказать о своих страданиях, тот частично уже отделил себя от них. И вот философия, как наука наук, призвана свести разницу между словом и выражением до минимума, а желательнее до нуля, но здесь следует понимать, что само основание философии – *целое* – не вполне может быть выражено словом.

В. Ф. Одоевский считает, что в нашем сознании за каждым словом стоит понятие, которое в свою очередь сообщается нам не каким-либо внешним предметом, а исходит из нашего духа. Поэтому чувственный опыт однозначно необходим, но человек должен всегда задаваться вопросом: а все ли свои органы он использует? Если задействованы зрение, слух, осязание и другие телесные чувства, то этого еще недостаточно, ибо «впечатления внешних чувств проверяются душой, – но это выражение остается обыкновенно необъяснимым и для слушателей, и для профессора» [там же, с. 293]. Речь же в данном случае, по мысли В. Ф. Одоевского, идет о некоем первоначальном знании, т. е. знании акта самовоззрения. Это знание исключительно инстинктивное, порожденное душой, и таковы должны быть все знания человека. Всякое познание возможно, ибо возможно первоначальное знание. Найти его – значит найти себя. «Я обошел вселенную, – говорит один из героев «Русских ночей», – я начал с востока, возвратился с запада. Везде я искал самого себя! Я искал себя в пучинах океана, в кристаллах гор первородных, в сиянии солнца – всё охватил в мои могучие объятия» [там же, с. 239].

Односторонние опытные знания, не согреты инстинктом и провидением, мертвы. Русский мыслитель постулирует: «Под всяким ощущением скрывается другое, более глубокое и, может быть, более бескорыстное, под другим третье, еще более бескорыстное, и так до самого тайника души человеческой, где нет места для внешних, грубых страстей, ибо там нет ни времени, ни пространства» [там же, с. 88].

Внимание В. Ф. Одоевского к бессознательному породило интерес его самого и героев его произведений к оккультным знаниям, мистическим учениям, алхимии, магии, исихазму, сновидениям, ясновидению, магнетизму, сомнамбулизму, медитациям и т. п. Недаром принцип неоплатонической философии «*Quidquid est in externo est etiam in interno*» («Что снаружи, то и внутри») русский мыслитель берет в качестве эпиграфа к рассказу «Косморама» [там же, с. 339].

В. Ф. Одоевский интересуется состоянием между сном и бодрствованием. В этом состоянии человек как раз способен проникнуть в свое бессознательное и тем самым прочувствовать, что такое цельное знание. Аналогичного состояния человек способен достичь в процессе *трезвения мысли*, или медитации, как принято говорить сейчас. «Удалитесь куда-нибудь в темный угол, чтоб вам, если можно, ничего не видеть и не слышать; старайтесь прогнать от себя все мысли» [там же, с. 294–295], –

такие рекомендации приводит В. Ф. Одоевский, и цель в данном случае – взглянуть на мир как-то иначе, увидеть его в другом свете. Согласно русскому мыслителю, к пограничному состоянию человек чаще приближается ночью, поэтому ночь – это время сказок, мистики, тишины и размышления [там же, с. 149]. Отсюда и название философского романа «Русские ночи».

Фауст, главный герой этого романа, утверждает: «Все наши физические знания были известны, во-первых, алхимикам, магам и другим людям этого разбора, далее в элевзинском храме, а еще далее у жрецов египетских» [там же, с. 267]. В. Ф. Одоевский посвящает целые страницы своих произведений доказательству того, что современная ему наука почти не продвигается в познании природы, а просто дублирует древние знания времен элеатиков, пифагорейцев и Платона. Последний, в частности, еще в диалоге «Тимей» четко сказал, что «вода разделяется посредством огня и производит огненное тело или два воздухообразных тела» [там же, с. 270]. Но особенно высоко В. Ф. Одоевский оценивал деятельность алхимиков: Альберта Великого, Роджера Бэкона, Василия Валентина, Парацельса и многих других, которые знали о химии едва ли не больше, чем химики XIX в.

Согласно представлению русского мыслителя, древние люди прекрасно знали направление своих стремлений, а материальный опыт был для них лишь последней ступенью в изыскании истины. *Выражение* в то время было человеку не нужно, он понимал по умолчанию и Бога, и природу, и настоящее, и будущее. Но человек вышел из колыбели, и перед ним предстала вопрошающая природа и вызвала его сравниться с собою. И вот тогда, по В. Ф. Одоевскому, и «родились два постоянные, вечные, но опасные, вероломные союзника души человека: *мысль* и *выражение*» [там же, с. 211–212]. Разрыв между первым и вторым привел к тому, что потерялось цельное знание и язык человека стал гораздо менее ясным, чем язык природы, о чем мы уже писали выше.

И вот в этом контексте знания тех, кого современные люди цинично называют «варварами», содержат неисчерпаемые сокровища, которые еще предстоит раскрыть. До некоторых из этих сокровищ современный человек, как считает В. Ф. Одоевский, еще просто не дорос, а к другим просто боится прикоснуться. «Все эти дивы, – пишет мыслитель, характеризуя знания древних, – были произведение не кропотливой чувственной экспериментации, но такого взгляда на природу, который нам и не снится в том мышном горизонте, в который мы попали благодаря Бэкону Веруламскому» [там же, с. 272]. Так, В. Ф. Одоевский довольно резко характеризует эмпирическое философско-научное направление, у истоков которого стоял англичанин Фрэнсис Бэкон.

В рамках этого учения та самая «материальная ступень» становится основной и часто едва ли не единственной в естествознании, исследователи полностью концентрируют свое внимание на случайных, второстепенных причинах, оставляя в стороне внутреннюю сущность явлений, мироздание оказывается втиснутым в системы и таблицы,

отдельные опыты начинают анализироваться вне их связи с *целым*, а современность как таковая оказывается в плену исключительно материальных интересов. Плюс к этому, крылья воображения оказываются полностью обрезаны, возникает жесткий предел, за который не должен переходить человеческий ум. Последняя мысль раскрывается В. Ф. Одоевским в рассказе «Реторта» [там же, с. 580]. «Скорблю, – пишет мыслитель, – что мы еще не вышли из пеленок восемнадцатого века, что еще не сбросили с себя постыдного ига энциклопедистов и материалистов, что общая, живая связь наук потерялась и что истинное начало знания всё более и более забывается...» [там же, с. 282–283].

Вообще, материализм, по мнению мыслителя, плох именно тем, что его апологетов «тянет к точке на окружности», а потому их пути безнадежно расходятся. Идеалисты же, хотя и спорят друг с другом, всё-таки тянутся к центру [там же, с. 183], т. е. у них есть возможность сойтись в понимании *целого*. «Я не идеалист и не мистик, – замечает Фауст, герой романа «Русские ночи», – я эпикуреец, потому что ищу, где находится наибольшая сумма наслаждений для человека; я, если хочешь, естествоиспытатель, даже эмпирик, только с тою разницею, что не ограничиваюсь наблюдением одних материальных фактов, но нахожу необходимым разлагать и духовные» [там же, с. 183]. Видимо, в данном монологе выражена точка зрения самого В. Ф. Одоевского.

Критикуя эмпиризм и материализм, В. Ф. Одоевский усматривает отрицательные стороны и в логико-рационалистическом познании, которое также стало играть важнейшую роль в научном освоении мира. «Логика, – пишет мыслитель, – прератанная наука; начни с чего хочешь: с истины или с нелепости, – она всему даст прекрасный, правильный ход и поведет, зажмуря глаза, пока не споткнется» [там же, с. 125]. Основанная только на математических принципах, логика как бы искусственно «пристегивается» к человеку, как инородное тело. Она сама «думает» и «вычисляет», отстраняя полностью истинное *я*. Связи между *я* и логическим наростом просто нет, ибо математика дает язык, верный только для себя и внутри самой себя, однако личность человека она держит на привязи и не выпускает из своего искусственного мира. То есть математическая логика, согласно В. Ф. Одоевскому, не имеет к цельному познанию никакого отношения.

В контексте рассуждений мыслителя о логике и рациональности уместно затронуть вопрос о системности его собственных философских построений. Историки философии дискутируют, сложилось ли его мировоззрение в систему. В частности, З. А. Каменский считал, что философские высказывания и сочинения В. Ф. Одоевского вряд ли можно считать системой или концепцией [14, с. 264]. В. В. Зеньковский же утверждал, что русский мыслитель бесспорно стремился к философскому синтезу, обладал некоторыми центральными убеждениями и поэтому его никак нельзя упрекнуть в эклектизме [10, с. 148–149].

То, что в творческом наследии В. Ф. Одоевского можно увидеть контуры философской системы, на наш взгляд, очевидно. Идеи *солидарности*

и *инстинктуальной силы* вполне можно считать цельными концепциями. Но В. Ф. Одоевский не создал «полноценной» философской системы не потому, что не «смог», а потому, что был решительным противником всяческих рациональных систем вообще. Об этом мыслитель писал неоднократно, например в «Русских ночах»: «...Впоследствии они (искатели истины. – А. И.), может быть, приметят свои заблуждения, оценят свои догадки и, может быть, найдут, что в одной из них и скрывается искомая истина. Но до тех пор, покорись они систематизму – и странники сделаются рабами собственного слова» [4, с. 230].

Другими словами, если под *системой* понимать жесткую схему, мешающую целостному, поэтическому взгляду на вещи, то В. Ф. Одоевский был ее радикальным противником. Такая позиция была общим местом для всех русских и немецких романтиков, и той же точки зрения придерживались его друзья из кружка Любомудров. В частности, С. П. Шевырев писал в 1841 г.: «Дух истины заключается, конечно, не в системе. <...> Система есть более или менее диалектическая хитрость ума; в ее тонкостях и сплетениях часто видны бывают уловки мысли человеческой, признающей противоречие за необходимый закон для того только, чтобы избежать упрека в противоречии» [15, с. 380–381].

Но если мы будем понимать *систему* в органическом смысле, т. е. как всеобщую взаимосвязанность и взаимозависимость мировых явлений, то здесь отношение В. Ф. Одоевского было, наоборот, крайне позитивным. А мироздание как органическая система – это неотъемлемая и важнейшая составляющая холистского взгляда на реальность. Можно сделать вывод, что В. Ф. Одоевский не только обозначил острое ощущение целостности в качестве русской мировоззренческой парадигмы, но и сам в существенном смысле определил дальнейший путь развития русской философии именно в этом направлении.

Литература

1. Ишутин А. А. Онтологический холизм в философии В. Ф. Одоевского / А. А. Ишутин // Доклады ТСХА : сб. статей. – М. : Изд-во РГАУ-МСХА, 2015. – Вып. 286, ч. 2. – С. 391–393.
2. Яковенко Б. В. История русской философии / Б. В. Яковенко. – М. : Республика, 2003. – 510 с.
3. Ишутин А. А. Идеи холизма в русской философии / А. А. Ишутин. – М. : УМЦ «Триада», 2017. – 154 с.
4. Одоевский В. Ф. Русские ночи : Роман. Повести. Рассказы. Сказки / В. Ф. Одоевский. – М. : Эксмо, 2007. – 640 с.
5. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Киев : Путь к истине, 1991. – 603 с.
6. Ишутин А. А. Некоторые теоретические аспекты холизма как философской позиции / А. А. Ишутин // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Философские науки. – 2017. – № 4. – С. 21–30.
7. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. – М. : Искусство, 1974. – Т. 2. – 644 с.

8. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель / П. Н. Сакулин. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1913. – Т. 1. – 616 с.
9. Ишутин А. А. Холизм и солидарность в философских взглядах В. Ф. Одоевского / А. А. Ишутин // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Философские науки. – 2018. – № 2.
10. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. : в 4 ч. / В. В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991. – Т. 1, ч. 1.
11. Евлампиев И. И. История русской метафизики в XIX–XX вв. / И. И. Евлампиев. – СПб. : Алетейя, 2000. – Ч. 1. – 416 с.
12. Матюхин А. В. Теория государственного управления в истории русского либерализма (XIX – начало XX в.) / А. В. Матюхин. – М. : МГОУ, 2008. – 148 с.
13. Переписка 1902–1903 гг. между А. В. Ельчаниновым и П. А. Флоренским // Вестник ПСТГУ. Богословие, философия. – 2010. – Вып. 4 (32). – С. 91–115.
14. Философия Шеллинга в России / под ред. В. Ф. Пустарнакова. – СПб. : РХГИ, 1998. – 528 с.
15. Шевырёв С. П. Христианская философия. Беседы Баадера / С. П. Шевырёв // Москвитянин. – 1841. – Ч. 3.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Ишутин А. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и истории

*E-mail: a_ishutin@inbox.ru
Тел.: 8(905) 573-63-24*

Moscow University for Industry and Finance «Synergy»

Ishutin A. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Philosophy and History Department

*E-mail: a_ishutin@inbox.ru
Tel.: 8(905) 573-63-24*